

І. ФОЛЬКЛОР

Ю.А. Новиков

Сборник Кирши Данилова и вторичное бытование былин

Более двухсот лет назад, в 1804 году, увидело свет первое издание «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым». Эта книга сразу же приковала к себе внимание ученой общественности России. Она была уникальной во многих отношениях: и по своему составу (71 песенно-стихотворный текст, среди которых преобладали былины и произведения примыкающих к ним жанров), и по обилию архаичных деталей, оригинальных мотивов и поэтических формул, и по своему языку, сохранившему немало примет петровской и допетровской эпохи. Особый интерес вызывала таинственная фигура Кирши Данилова, имя которого значилось на утраченном позднее титульном листе и фигурировало в одной из балагурных песен Сборника ([1], № 38):

А и не жаль мне-ка битова, грабленова,
А и тово ли Ивана Сутырина,
Только жаль доброва молодца похмельнова,
А и того ли Кирилы Даниловича...

Уральский сборник надолго стал предметом оживленных дискуссий, породил множество разных гипотез. Некоторые из них со временем были подкреплены новыми аргументами и утвердились в эпосоведении; другие существенно уточнены и скорректированы; третьи целиком отвергнуты как несостоятельные. Так произошло, например, с версией о казачьих корнях Кирши Данилова и его эпического репертуара, с резко негативной оценкой В.Г. Белинским художественных достоинств былины «Добрыня и змей» (№ 48). Но появление различных концепций и толкований стимулировало углубленное исследование Сборника в самых разных аспектах, разработку новых методов анализа устно-поэтических текстов, во многом способствовало становлению и развитию фольклористики как самостоятельной отрасли русской филологической науки.

За последние десятилетия благодаря совместным усилиям уральских

историков и краеведов, фольклористов из разных городов удалось ликвидировать многие «темные пятна» в текстах эпических песен и в биографии самого Кирши Данилова, точнее представить роль этого человека в создании уральского сборника, реконструировать важные звенья на пути от исходной рукописи до ее копии и печатного издания. Особенно много сделали для этого петербургские ученые А.А. Горелов, Б.Н. Путилов, А.П. Евгеньева. В частности, А.А. Горелов в серии своих работ не только систематизировал многочисленные наблюдения А.В. Позднеева, П.Д. Ухова и других предшественников, но и существенно расширил реестр содержательных, стиливых и языковых сходжений между подавляющим большинством текстов Сборника. Благодаря этому «Древние российские стихотворения» предстают как единое художественное целое, появляется все больше оснований считать их творчеством одного сказителя, отличавшегося оригинальной исполнительской манерой. Новонайденные документы подтверждают, что Кирша Данилов — реальное лицо; по ремеслу — кричный (от «крица» — полуфабрикат при переработке руды или чугуна в железо) мастер на одном из уральских литейных заводов, принадлежавших Демидовым, по призванию — поэт, эпический певец высочайшего класса [2].

В данной статье речь пойдет о влиянии вариантов Кирши Данилова на так называемое вторичное бытование былин. Опираясь на факты и наблюдения, изложенные в «Указателе зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов» [3], мы попытаемся установить, какие именно старины из уральского сборника оказали наибольшее воздействие на устную эпическую традицию и почему; какие типы заимствования былин и их фрагментов доминируют; как сложилась судьба уникальных мотивов и формул, которые могли быть индивидуальными новациями Кирши Данилова. Это позволит точнее определить, какое место занимают «Древние российские стихотворения» среди сборников былин, явившихся первоисточниками эпического знания многих десятков сказителей конца XIX — начала XX столетий.

Массовое обращение народных певцов к печатным изданиям эпических песен было обусловлено несколькими причинами. Одна из них — затухание локальных традиций, обеднение репертуаров, снижение уровня исполнительского мастерства местных сказителей, заставившие любителей народной поэзии искать дополнительные источники эпического знания. Важную роль сыграло также относительно широкое распространение грамотности на селе, совпавшее по времени с появлением множества доступных по цене и выходявших значительными тиражами популярных изданий — учебных хрестоматий, антологий, свод-

ных стихотворных и прозаических текстов компилятивного характера. Некоторые из них в дореволюционной России печатались неоднократно. Например, в 1915 году вышло 38-е (!) издание «Русской хрестоматии», подготовленной А.Д. Галаховым. В основу фольклорной ее части положен соответствующий раздел «Исторической хрестоматии церковно-славянского и русского языков», вышедшей в свет в 1848 году и содержащей основные былинные сюжеты. Десятки популярных книг были изданы в Москве, Санкт-Петербурге и многих губернских городах. Именно они сослужили роль посредников, оказали непосредственное воздействие на устную фольклорную традицию; из научных сборников старины усваивались в единичных случаях. Нередко сказители запоминали книжные по происхождению тексты на слух, при посредничестве грамотных членов семьи или односельчан (пудожане И. Фофанов и Н. Ремизов, А.В. и М.В. Кожевниковы с реки Онеги, пинежанка М. Кривополенова, Е. Рассолов с Мезени, А. Крюкова с Зимнего берега и др.). Зависимые от книги тексты составляют более 10 процентов всех известных науке записей русских эпических песен.

До начала 60-х годов XIX века популяризаторы былин черпали материал в основном из «Древних российских стихотворений». Впрочем, фольклорные книги и брошюры, рассчитанные на массового читателя, были в то время большой редкостью. Настоящий издательский бум начался с 60—70-х годов, когда появились сборники П.В. Киреевского и П.Н. Рыбникова и в научный оборот было введено более 250 вариантов былин с Русского Севера, из Поволжья, с Алтая (перепечатки Киреевским записей С.И. Гуляева) и других регионов России. Несмотря на резкое расширение «базы данных», старины Кириши Данилова или их фрагменты по-прежнему оставались непременной составляющей каждого нового издания [4]. Использовал их и Л.Н. Толстой в «Новой азбуке». В дополняющей ее книге для чтения помещены четыре былины в обработке великого писателя, в том числе «Волх Всеславьевич», во многом зависимый от уральского варианта.

С публикацией записей А.Ф. Гильфердинга, а позднее — А.В. Маркова, Н.Е. Ончукова и А.Д. Григорьева в распоряжении популяризаторов фольклора оказалось более тысячи новых вариантов севернорусских старин. Однако многие былины Кириши Данилова успешно выдержали резко возросшую «конкуренцию». Они широко представлены во многих популярных изданиях, в том числе в двух книгах, оказавших наиболее сильное влияние на вторичное бытование русских эпических песен — в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» и «Книге былин» В.П. Авсариуса [5]. В числе 26 былин, избранных Оксеновым, 7 — пе-

репечатки из «Древних российских стихотворений» («Волх Всеславьевич», «Алеша Попович и Тугарин», «Михайло Потык», «Соловей Будимирович», «Василий Буслаев» — в соединении с двумя олонецкими вариантами, «Илья Муромец и Калин-царь» и «Сорок калик со каликою»). Что касается Авенариуса, то он сознательно стремился использовать хотя бы один-два стиха из каждого доступного ему варианта каждого сюжета; лучшие былины Кирши Данилова составляют основу его компилятивных текстов.

Однако для оценки воздействия того или иного научного издания на устную традицию гораздо важнее, какие тексты и как часто предпочитали усваивать сами сказители. В этом отношении Сборник Кирши Данилова занимает одно из первых мест. Из 449 вариантов былинных сюжетов, зафиксированных в Указателе (без учета текстов с нулевым индексом), 125 полностью или частично зависимы от «Древних российских стихотворений». По этому показателю он уступает только сборникам А.Ф. Гильфердинга — 219 и П.Н. Рыбникова — 210. (Общая сумма заметно превышает количество зависимых от книги вариантов, поскольку компилятивные тексты восходят к нескольким первоисточникам.) Таким образом, со Сборником Кирши Данилова связано более четверти всех случаев вторичного бытования эпических песен. К этому же источнику восходят 5 из 16 фальсифицированных былин. К ним следует добавить не вошедшую в Указатель скрытую репечатку — саратовский вариант былины «Илья Муромец и разбойники», опубликованный в приложениях к выпускам былин в сборнике Киреевского [6].

При сопоставлении статистических данных следует учитывать специфику Сборника Кирши Данилова. В нем опубликовано 26 классических былин, еще 2 сюжета входят в состав контаминированных текстов (№№ 18 и 50); все они, видимо, принадлежат одному исполнителю. Его репертуар охватывает чуть более половины всех известных науке эпических сюжетов. В сборнике А.Ф. Гильфердинга 248 былин, записанных от нескольких десятков певцов из разных регионов бывшей Олонецкой губернии. Многие сюжеты представлены несколькими версиями и редакциями, большим количеством вариантов («Добрыня и Алеша» — 25, «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — 9, «Ставр Гоудинович» — 8 и т.п.). Естественно, что совокупный набор оригинальных элементов в них гораздо богаче, нежели в единственной старине Кирши Данилова на тот или иной сюжет. В отличие от других классических изданий в уральском сборнике нет целого ряда довольно популярных былин («Илья Муромец и Идолище», «Исцеление Ильи», старины о Святогоре, «Василий Игнатьевич и Батыга»), а также более ред-

ких сюжетов, зафиксированных в нескольких регионах («Вольга и Микула», «Алеша Попович и сестра братьев Сбродовичей», «Добрыня и Василий Казимирович», «Наезд литовцев», «Сухман», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Бой Добрыни с Дунаем», «Михайло Данилович»).

Как и у севернорусских сказителей с большим репертуаром (Т. Рябинин, П. Калинин, А. Сорокин, Г. Крюков, Е. Садков и др.), старины Кирши Данилова неравноценны по своим художественным достоинствам. Многие сюжеты принадлежат к числу лучших вариантов той или иной былины («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Добрыня и Алеша», «Ставр Годинович», «Козарин», «Алеша Попович и Тугарин», «Василий Буслаев и новгородцы», «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим», «Садко и новгородцы», «Садко в подводном царстве»), а некоторые по праву считаются эталонными образцами русской эпической поэзии («Волх Всеславьевич», «Илья Муромец и Калин-царь», «Саул Леванидович», «Сорок калик со каликою»). Но рядом с ними в Сборнике немало текстов среднего уровня; есть и фрагментарные, избыточные прозаизмами старины, неудачные контаминации («Дюк», «Добрыня и змей», вторая часть «Соловья Будимировича», «Илья Муромец и Сокольник», начало «Суровца-Суздальца», контаминация вступительного эпизода «Чурилы и Катерины» с сюжетом «Чурила и князь», механическое соединение былин об Илье Муромце и Добрыне Никитиче — № 50). Надо отдать должное популяризаторам русского эпоса — как правило, они отбирали из уральского сборника наиболее совершенные тексты, оригинальные эпизоды и мотивы, выразительные поэтические формулы. А если и допускали в этом плане отдельные просчеты, то «повторная цензура» фольклорной традиции оказывалась более жесткой. За редкими исключениями сказители тонко чувствовали малейшие отклонения от эпической стереотипии и отсеивали все сомнительные новации в прототекстах, отказывались от механического, немотивированного соединения сюжетов, отвергали псевдонародные домыслы некоторых редакторов.

Обилие заимствований из какой-либо старины Кирши Данилова можно рассматривать как своеобразный «индикатор качества», свидетельство ее художественного совершенства. Это подтверждается данными Указателя. Былина о Волхе Всеславьевиче — одна из самых редких в устной эпической традиции. Но этот архаичный по содержанию сюжет часто включался в состав различных хрестоматий, антологий и других массовых изданий. Все 5 книжных по происхождению вариантов восходят к тексту Кирши Данилова (№ 6), лишь И. Степанова из

Заонежья дополнила его эпизодами из старины своего земляка К. Романова (они также были усвоены ею по книге). Сюжеты «Хотен Блудович» (№ 17) и «Сорок калик» (№ 24) занимали заметное место в репертуаре многих былинных регионов России, однако популяризаторы обращались к ним весьма неохотно. Во втором случае это можно объяснить нежеланием пропагандировать произведение, в котором киевской княгине Апраксии отведена неблагоприятная роль коварной и похотливой обманщицы. В Указатель включено всего по одному варианту обеих старин, оба они генетически связаны с «Древними российскими стихотворениями».

Особый случай — былина «Алеша Попович и Тугарин». Уральский ее вариант (№ 20) до сих пор остается объектом научных споров. Отмечая явный алогизм (богатырь дважды убивает одного и того же противника), некоторые исследователи связывают это с грубыми просчетами редактора, неудачно соединившего две разные версии сюжета. Такая трактовка представляется нам малоубедительной. Во-первых, в репертуаре севернорусских сказителей, в том числе и признанных мастеров народной поэзии, иногда входили разные версии одного сюжета (Т. Рябинин, Ф. Конашков, А. Крюкова и др.); в некоторых текстах тоже встречаются алогизмы, механические контаминации и другие серьезные нарушения законов народного сюжетосложения («Наезд литовцев» + историческая песня о Скопине Т. Рябинина, «Садко» + «Вольга и Микула» + мотивы из обеих былин о Василии Буслаеве П. Калинина, «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» + «Непра и Дон» И. Фофанова и т.д.). Во-вторых, в обеих частях старины Кириши Данилова обнаруживаются тождественные постоянные эпитеты и другие эпические стереотипы; еще больше сходжений с другими былинами уральского сборника. Эти очевидные проявления единства исполнительской манеры и художественного стиля позволяют считать, что обе версии «Алеша и Тугарина» записаны от одного сказителя, то есть от Кириши Данилова.

Но дело даже не в том, кто явился инициатором неудачной новации — механического соединения двух модификаций сюжета в одном произведении. Гораздо важнее, что обе его части отличаются высоким художественным уровнем. Не случайно все 8 зависимых от книги вариантов этой былины восходят к Сборнику Кириши Данилова, причем в 7 случаях он послужил для них единственным первоисточником. Однако составители популярных изданий, а иногда и сами сказители постарались избежать логических неувязок. В одних записях использована только первая часть уральской былины, в других в первом бою Алеша Попович шадит Тугарина, а в одном из вариантов в разных эпизодах

герою противостоят разные противники (в первом поединке Тугарина заменяет «Нсодолище»). Таким образом, поэтические достоинства текста Кириши Данилова перевесили его структурные недостатки.

Перечисленным выше сюжетам немного уступает еще несколько былин из «Древних российских стихотворений». К ним восходят 16 из 17 книжных по происхождению вариантов «Ставра Годиновича» (№ 15), 5 из 6 — «Соловья Будимировича» (№ 1) и «Поездки Василия Буслаева в Иерусалим» (№ 19), 5 из 7 — «Михайла Потыка» (№ 23). Почти все вторичные записи «Ставра» — компилятивные тексты, в которых фрагменты уральского варианты дополнены заимствованиями из других былин, в основном прионежских. Столь же пестрыми по составу являются зависимые от печатных источников старины о Василии Буслаеве. С «Соловьем Будимировичем» картина несколько сложнее. Популяризаторы былин и на рубеже XIX—XX веков в основном отдавали предпочтение варианту Кириши Данилова, первому по времени записи, игнорируя записи Рыбникова и Гильфердинга.

Работая над сюжетами, которые относятся к числу наиболее распространенных, составители и редакторы массовых сборников тоже пошли по пути компиляции. 12 из 22 книжных по происхождению вариантов «Добрыни и Алсши» генетически связаны с «Древними российскими стихотворениями» (№ 21); все они компилятивны. Непременный их элемент — оригинальная формула княжеского задания Добрыне: «прочистить дорогу прямоезжую к моему тестю любимому»; нередко в текстах упоминаются «чудо белоглазое» (в прототексте — «чудь белоглазая»), «черкасы пятигорские», «калмыки со татарами» и даже искаженное имя тестя князя Владимира — «Испануйло Испануйлович» (у Кириши Данилова — «Этмануил Этмануилович»). К уральскому сборнику восходят 15 из 25 вариантов «Ильи и Калина» (№ 25), большинство из них тоже связано с разными первоисточниками. Здесь чаще других заимствовались поражающее своей гиперболической масштабностью описание татарского нашествия на Русь, перебранка связанного богатыря с Калином и формула расправы с вражеским предводителем. Особенно привлекательными для сказителей оказались уникальные подробности одного из финальных эпизодов. Ухватив татарина за ноги, Илья Муромец размахивает им будто палицей и крушит вражеское войско. Не успел он похвалить нежданно подвернувшееся по руку «оружие», как

Оторвется голова ево татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.

В 19 из 53 записей «Ильи Муромца и Соловья-разбойника», зависимых от Сборника Кирши Данилова (№ 49), тоже использованы уникальные или редкие мотивы и образы (описание терема Соловья-разбойника и столкновения Ильи с его родственниками; указание на то, что сыновья Соловья превращаются в птиц «с железными клювами»; формула «посмотри на мою удачу богатырскую»; просьба князя Владимира унять Соловья-разбойника — «нам эта шуточка не надобна» и др.). Лишь 2 текста дублируют уральский вариант практически в полном объеме. Старины «Дунай-сват» (№ 11) и «Михайло Потык» (№ 23) тоже оказали заметное влияние на вторичное бытование эпических песен. С первой из них связаны 5 из 7 книжных вариантов (2 текста восходят только к этому источнику), а со второй — 4 из 9 (все тексты компилятивны по характеру).

Как это ни странно, сбивчивая и в целом невыразительная старина Кирши Данилова «Добрыня и змей» (№ 48) довольно часто фигурирует в Указателе в качестве первоисточника (9 вариантов из 22). Но в этом есть своя логика. В Сборнике Кирши Данилова во всех текстах чувствуется почерк мастера высочайшего класса, поэтому даже в слабых вариантах встречаются яркие поэтические образы, неожиданные метафоры, способные украсить любую сводную былину или стилизацию под народный эпос. Достаточно вспомнить знаменитый запев «Высока ли высота поднебесная...» в отрывке из былины «Суroveц-Суздалец», детализированное описание сборов Дюка Степановича в поездку и его чудесных стрел, «кормление воды хлебом» в былине «Садко» (№ 28), заговаривание «следов» богатыря в «Добрыне и Маринке», формулы — «Веселая беседа — на радости день» в былине о Чуриле, «Едва душа сво в теле полуднует» из описания поединка Добрыни с бабой Горынинкой и ряд других поэтических находок сказителя. Есть такие формулы и в «Добрыне и змее». Предлагая своим дружинникам первыми войти в Израй-реку, богатырь говорит: «Не мне вода греть, не тешить ее». Убив змея, он вешает его «на осину кляпую» (наклонную, изогнутую). Согласно народным поверьям, даже разрубленная на куски змея оживет, если ее оставить на земле под лучами солнца. А осина воспринималась древними славянами не только «как проклятое дерево», но и как средство против нечистой силы, «ходячих покойников» и т.п. В разгар боя со змеем, не имея под рукой оружия, Добрыня бросил в него «шляпу земли греческой», в которую он перед этим «нагреб песку желтова — глаза запорошил и два хобота ушиб». Две первые формулы не привлекли внимания сказителей-«книжников», зато третья использована во всех 9 текстах; иногда это — единственная деталь, позаимствованная из «Древних российских стихотворений».

Еще 4 старины Кириши Данилова использовались в зависимых от книги текстах сравнительно редко: «Садко в подводном царстве» (47) в 2 из 7, «Илья Муромец и разбойники» (№ 69) и «Василий Буслаев и новгородцы» — в 2 из 8, «Илья Муромец и Сокольник» (№ 50) — в 3 из 21. Остальные 9 былин из уральского сборника («Дюк», «Иван Гостинный сын», «Добрыня и Маринка», «Иван Гоудинович», «Чурила и князь», «Козарин», «Саул Леванидович», «Садко и новгородцы», «Суровец-Суздалец»), а также 2 сюжета, фрагментарно представленные в контаминациях («Чурила и Катерина», «Бой Добрыни с бабой Горынинкой»), в Указателе зависимых от книги былинных текстов отсутствуют. В большинстве случаев это связано не с качеством текстов Кириши Данилова, а с тем, что некоторые сюжеты крайне редко включались в популярные издания (в первую очередь это относится к старинам «Саул Леванидович», «Суровец-Суздалец» и «Чурила и князь»). А вот «Дюк Степанович» (№ 3) явно не выдержал своеобразной конкуренции с лучшими вариантами старой записи. Среди 22 книжных по происхождению текстов ни один не связан с «Древними российскими стихотворениями». Для сравнения заметим, что ритмизованный пересказ этой быliny, записанный П.Н. Рыбниковым от карелки Дмитриевой [7], послужил источником заимствований для 7 исполнителей. Объясняется это обилием оригинальных, подчас уникальных деталей в побывальщине заонежской сказительницы и схематичностью текста Кириши Данилова.

Приведенные в статье факты и статистические данные позволяют констатировать, что Сборник Кириши Данилова является одним из основных первоисточников книжного эпического знания сказителей конца XIX — первой половины XX веков. По общему количеству зависимых от него текстов он уступает лишь «Онежским былинам» А.Ф. Гильфердинга и «Песням, собранным П.Н. Рыбниковым», которые содержат намного больше старин, записанных к тому же от десятков певцов из разных регионов. К «Древним российским стихотворениям» частично или полностью восходят все «вторичные» записи былин «Волх Всеславьевич», «Алеша Попович и Тугарин», «Хотен Блудович» и «Сорок калик», от 70 до 94 процентов — «Ставр Гоудинович», «Соловей Будимирович», «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» и «Михайло Потык». Большинство этих сюжетов в уральском сборнике представлено высокохудожественными, архаичными по содержанию вариантами. В зависимых от книги текстах часто использовались оригинальные и даже уникальные детали и формулы из «Древних российских стихотворений», что свидетельствует об их органичной связи с фольклорной традицией.

Но некоторые индивидуальные новации Кириши Данилова в книжных текстах отсутствуют. Видимо, сказители чутко улавливали проявления личностного начала, приводившие к слишком резким отклонениям от эпических канонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здесь и далее тексты былин указываются и цитируются по изданию: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977.
2. Этим проблемам посвящены следующие основные работы: Позднеев А.В. Общие места и «перенесения» в былинах // Проблемы истории литературы. Труды кафедр сов. и русск. лит. Московского гос. заочн. пед. инст. М., 1964. С. 65—86; Ухов П.Д. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова // Русский фольклор. Т. I. М.; Л., 1956. С. 97—115; Евгеньева А.П. Рукопись Сборника Кириши Данилова и некоторые ее особенности // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977. С. 414—424; Путилов Б.Н. Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977. С. 361—404; Горелов А.А. Трилогия о Ермаке из Сборника Кириши Данилова (Пolemические заметки) // Русский фольклор. Т. VI. М.; Л., 1961. С. 344—376; Горелов А.А. Кем был автор «Древних российских стихотворений» // Русский фольклор. Т. VII. М.; Л., 1961. С. 293—312; Горелов А.А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кириши Данилова // Русский фольклор. Т. XIV. Ленинград. 1974. С. 166—201; Горелов А.А. Заветная книга // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Под редакцией А.А. Горелова. СПб., 2000. С. 4—40; Новиков Ю.А. Былины из сборника Кириши Данилова в контексте севернорусской традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 96—100; Новиков Ю.А. О создателях рукописной копии Сборника Кириши Данилова // Humanitaro zinatnu velstnesis № 5. Daugavpils, 2004. С. 7—14.
3. Новиков Ю.А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.
4. Укажем издания 60—70-х годов XIX века, оказавшие наиболее сильное влияние на устную былинную традицию: Ильяда, или Песни об Илье Муромце (в XII песнях). М.: Типография А. Мамонтова, 1867; Русская хрестоматия с примечаниями: Для высших классов средних учебных заведений / Составил Андрей Филонов. Часть первая. СПб., 1869; Илья Муромец, крестьянский сын. По народным былинам. Рассказано В. Острогорским. СПб., 1869; История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике. М.: Издание Антона Абрамова, 1871; Сводная былина об Илье Муромце / Составил В.П. Геннинг. СПб., 1872; Книга о русских богатырях: Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса / Составил В.П. Авенариус. СПб., 1876; Суворов В. Святорусский богатырь славный Илья Муромец, оберегатель нашей ли род-

- ной-то сторонушки. М., 1879; Соловей-разбойник, гроза муромских лесов. Сказка (из времен Владимира). М.: Издание П.И. Орехова, 1879.
5. Народная поэзия. Былины. Песни. Духовные стихи / С введением и объяснительным словарем. Составил А. Оксенов. 2-е изд. СПб., 1898; Книга былин: Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Составил В.П. Авенариус. 3-е изд. М., 1893.
  6. Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. VII. М., 1868. Приложение. С. 7 (Воронежская губерния).
  7. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. I—III. М., 1909—1910. № 88.

The Kirsha Danilov's Collection and the Second Currency of Bylinas

Right away after the Kirsha Danilov's Collection was printed (1804) it became one of the main sources of secondary epic knowledge for folk singers. More than a quarter of dependent on books texts of bylinas are completely or partly connected with it. In the respect 'Ancient Russian Verses' are inferior only to A.F. Gilferding's and P.N. Rybnikov's collections. All secondary records of 4 epic plots as well as more than half of the variants of 7 epic songs are connected with the collection from the Urals.